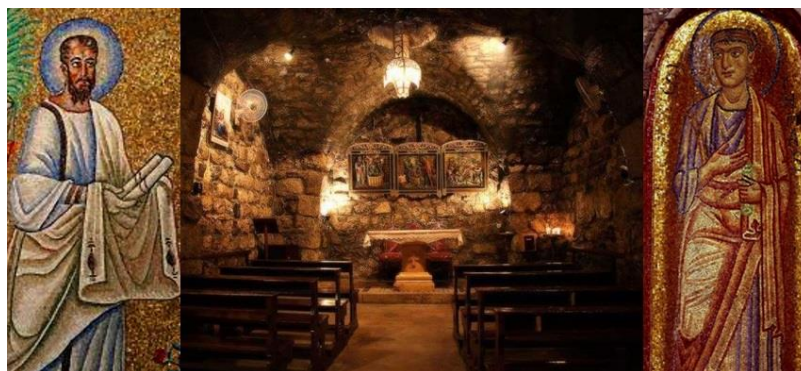

ИСТОРИЯ СОКРОВЕННОГО ПЕРЕКРЁТКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляю новую работу, что посвящена историческим вопросам раннехристианской эпохи. Работа является третьей частью серии публикаций: «Парадокс великого поучения» и «Момент галатийской перспективы». Она продолжает начатые там тематики и опирается на полученные там выводы, как, впрочем, и на другие предыдущие публикации. В работе поднимаются вопросы библеистики, реконструкций исторических событий, письменных источников, различных преданий и моментов в самой раннехристианской истории.

Вообще любая история пишется призмой историка и его ценностей. А если мы обращаемся к истории религиозного движения, то будем иметь дело с идеологическими конструкциями событий. Так, сформированная картина раннехристианской истории прошла через идеологические фильтры верных отношений и пониманий. Однако и существовавшие альтернативные взгляды совершенно не гарантировали какое-то чистое независимое описание событий. Такие фильтры устанавливали границы между обозначенной ими правдой и вымыслами, однако жизнь проводила эти границы по-своему. Рассматривая различные свидетельства и их отображения можно попытаться выявить интересные моменты и предложить варианты развития событий.

Работа предлагает и точку зрения возможного ответа на часто возникающий вопрос библеистики о картине изоляции ап. Павла от всех и всего того, чтобы связывало его с непосредственными учениками Иисуса и соответственно евангельским учением, предполагая и возможное скрытое веками интересное историческое пересечение жизненных путей.

Приятного прочтения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Раннехристианская история первого столетия состоит более из вопросов и вероучительных утверждений, чем достоверно известных фактов. При этом нет не только возможности опираться на альтернативные свидетельства, а зачастую и вообще иметь в наличии хоть какие-либо достоверные исторические упоминания. Сама существующая церковная история и состоит из подобных вопросов. Если, например, масса всевозможных преданий описывают историю проповеди апостолов по всем миру, то в главной вероучительной исторической книге Деяний, они изначально никуда идти не собирались и так в повествование книги никуда и не пошли. Пытаясь объяснить этот момент церковный историк Евсевий Кесарийский (260 и 270 - 339/340) и сделал поэтому такой вывод, что апостольская проповедь началась уже только после казни Иакова Праведного [1.1], т.е. незадолго до смерти Павла и перед войной Иудеи с Римом и до чего хронология истории Деяний не дошла. При этом, надо полагать, что дожившие до этого события апостолы и начавшие свою миссию, были уже в преклонных годах, ведь это уже начало 60-х годов.

Сами ортодоксальные авторы, подымавшие вопросы церковной истории первого века, сталкивались с проблемой скудости имеющихся данных. При этом повествования об апостольской проповеди изначально во многом создавались в иных кругах, считавшихся еретическими или же близкими к ним. Сам же отец церковной истории Евсевий Кесарийский выбрал идеологический курс её изучения. При этом за наиважнейшую основу им была выбрана историческая книга Деяний, ставшая как известно в дальнейшем частью общего священного писания, а все поиски и изыскания должны были соответствовать идеям и событиям книги. Будучи ересиологом, Евсевий при этом крайне пренебрежительно относился к ранним свидетельствам идейных противников, когда именно они в отличие от Деяний и описывали проповеди апостолов в евангельской миссии. [1.2]

В целом, в конце концов сложилась следующая ситуация. Сторонние религиозные источники с описанием развития нового учения и истории евангельских миссий за неимением собственных всё-таки брались, но изымались изложенные там идеи, а истории обрамлялись и описывались в учении ортодоксального содержания. Так возникали уже церковные исторические предания. Вопрос согласования их хронологии событий с книгой Деяний уходил при этом на второстепенный план и игнорировался, а в общей картине назрел смысловой разрыв. С одной стороны предания о миссиях согласовываются с известным великим поручением Иисуса Евангелия Матфея идти и научить все народы, тогда как для истории Деяний и поведения апостолов там такого поручения Иисуса не существует вообще.

Далее же предпримем попытку выявить среди древних скудных упоминаний интересные моменты, в данном же изучении - относительно

начальной евангельской миссии в Сирии, что могут претендовать на исторические реалии и приоткрывать завесу событий раннехристианского движения первого столетия. Выявим и проанализируем общие моменты и специфику самых различных источников, преданий и их исторических фиксаций. И среди таких свидетельств относительно событий первого столетия обратим внимание на дублирующие друг друга упоминания и их особенности. И таковым является упоминание Дамаска с его ролью в распространении и развитии нового тогда учения. Город этот упоминается как в новозаветном корпусе книг, так и в иных независимых источниках.

[1.1]. Евсевий Кесарийский (Памфил). Церковная история. Книга третья, глава 1.

К самым древним ортодоксальным историческим упоминаниям можно отнести и Церковную историю Евсевия Кесарийского, где упоминается некий несохранившийся труд Оригена (185 - 254).

«Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею – Скифия, Иоанну – Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни. Надо ли говорить о Павле, возвещавшем Христово Евангелие от Иерусалима до Иллирика и пострадавшем при Нероне в Риме. В точности так рассказано у Оригена в 3-м томе его Толковании на Бытие»

[1.2] Евсевий Кесарийский (Памфил). Церковная история. Книга третья, глава 25.

«К подложным относятся: «Деяния Павла», книга под названием «Пастырь», «Апокалипсис Петра», «Послание», признаваемое Варнавиным, так называемое «Учение апостолов» и, как я сказал, пожалуй, Иоаннов Апокалипсис, который одни отвергают, а другие относят к признанным книгам. Некоторые помещали среди этих книг и «Евангелие евреев», которое больше всего любят евреи, уверовавшие в Христа. Всё это книги отвергаемые, и мы сочли необходимым составить их список, полагая, что мы должны знать, какие книги подлинны, не измышлены и приняты церковным Преданием и какие, наоборот, из книг Нового Завета исключены, хотя известны большинству церковных писателей.

Следует знать и эти книги, и те, которые у еретиков сльвут под именем «Евангелий» апостолов: Петра, Фомы, Матфия и еще других, а также «Деяния» будто бы Андрея, Иоанна и прочих апостолов. Эти книги никогда не удостоивал упоминания ни один из церковных писателей. Да и речь их и слог очень отличаются от апостольского духа, мысли же и всё учение в целом далеко не согласуется с истинным правоверием: это явно выдумки еретиков. Поэтому книги эти следует не то что причислять к подложным, а вовсе отвергать, как совершенно нелепые и нечестивые.

2. ДАМАСК

Указывая на своё личное откровение Христа, ап. Павел упоминает Дамаск, как место начала его нового жизненного пути и служения (Гал. 1). Для него всё начинается там, он далее посещает Аравию и снова возвращается туда. Именно с Дамаском связано его обретение некогда им гонимой как он сам и заявляет Церкви Божьей. Обстоятельства его обращения, среда его общения в Дамаске остаются, согласно послания, загадкой. Вторым и сторонним уже описанием жизненного пути, однако считаемое в библейской истории более важным, является широко известная история книги Деяний, в изложении которой Савл сразу после расправы над Стефаном с карательной экспедицией устремляется в Дамаск. Но пребывает туда уже Павлом, начиная там своё духовное служение. Однако в изложении Деяний выявляется интересная особенность. Дамаск никак не вкладывается в логику развития событий книги. Когда создаётся впечатление о вынужденной необходимости его упоминания вероятно по причине широкой известности этих фактов во время написания книги. И вот почему. Книга подробно описывает историю начала распространения евангельского учения. В этой истории апостолы не стремятся ни к какой мировой проповеди и находятся в Иерусалиме или в его окрестностях.

Дамаск вдруг появляется в истории тогда, когда находящийся исключительно в Иерусалиме Пётр в хронологии событий Деяний ещё даже не посетил язычника Корнилия в Самарии. Апостолы Иерусалима ещё не пришли в первое изумление, узнав об обращении кого-то не из евреев и за пределами Иудеи в Самарии. Ещё не прозвучали по этому поводу «шипящие» упрёки Петру от чистых «обрезанных». А Савл уже с карательной экспедицией устремился подавлять новое учение в далёкий Дамаск, и вернулся оттуда Павлом.

Деяния описывают и предысторию той карательной экспедиции - суд над Стефаном и его казнь. После чего Савл, вместо того, чтобы расправиться с "главарями" апостолами на месте, организывает целую карательную экспедицию в далёкий Дамаск, как некий главный центра «зла». Туда, куда новое учение в хронологии Деяний ещё едва ли было способно добраться вообще.

Карательная экспедиция оставляет без внимания «главарей» апостолов и направляет силы в Сирию. А что же и кого столь опасного обнаружил Павел в Дамаске достойного организации карательной экспедиции? Деяния показывают, что никого! Так как «в Дамаске был один ученик, именем Анания» (Деян.9:10), «Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске» (Деян.22:12). В этой всей картине ненавистный центр известен, но выясняется вдруг, что до обращённого самого Павла ничего опасного на самом деле в Дамаске нет и не было вообще, но был даже образец подражания! И Дамаск по сути - аномалия для автора Деяний. Когда упоминать его было необходимо, ибо о Дамаске знали, но для истории автора это место с его опасностью - невозможно.

Ещё одним, интересным примером, является «неупоминание» самим Стефаном этого города. Так его речь в Деяниях перед смертью ссылается на Ам.5:27: «Я переселю вас далее Вавилона», но в которой согласно Ам.5:27 должен был прозвучать Дамаск. Однако в цитате Стефана по какой-то причине вместо Дамаска звучит Вавилон. Однако карательная экспедиция не направляется в Вавилон, но в то место, которое было не упомянуто. И логика развития карательных мероприятий могло иметь прямое отношение к Стефану, и тем его единомышленникам, кто мыслил аналогично ему и потому был далее приговорён, а Савл должен был стать исполнителем приговора.

Таким образом, перед нами разворачивается картина, в которой упоминание Дамаска может быть объяснено вынужденной мерой автора. Однако логически далее следует, что сама изначальная карательная экспедиция Савла в Дамаск превращается в глупость. При этом автор заявляет об Иерусалиме, как центре зарождения христианства, откуда постепенно учение область за областью распространяется далее, только благодаря исключительно Павлу и его команде и значительно позднее - по северным средиземноморским регионам. Дамаск же в этой картине представляется предметом совершенно иной раннехристианской истории. И такие реалии имеют свои обоснования как в книгах канона, так и в исторических преданиях того времени. Например, согласно самой географии проповеди канонических евангелий Иисус проповедовал по сути недалеко от Сирии и её Дамаска, когда много людей оттуда стекалось к нему (Матф. 4:24). Да и само географическое расположение Галилеи ближе именно к Дамаску, чем Иерусалиму. И религиозное сопротивление учению также было меньше за пределами Иудеи и мест активности её религиозных представителей. И нет исторически ничего противоестественного тому, что учение распространялось в Сирии уже при самой жизни Иисуса.

3. ДЕЯНИЯ ПАВЛА

Одним из древних памятников, появление которого относят ко второму столетию, является неканоническая книга Деяний Павла. Книга является сборником, объединяет целый ряд произведений, в целом посвящена истории служения ап. Павла и носит также апологетический характер. Книга была широко известна ещё в древности. С одной стороны, она была критикуема одними ересиологами (Евсевий Кесарийский, Тертуллиан [2.1]), однако в апологетических интересах имела и своих сторонников, таких как Ефрем Сирийский. В ней обнаруживается так называемое третье апокрифическое послание Павла Коринфянам, изобличающее учение еретиков, впоследствии названных гностиками, против которых по задумке автора и должен был лично сказать своё слово ап. Павел. Послание войны Павла против гностиков не обнаруживалось в канонических книгах, но факт его обнаружения и само содержание вызывало симпатию и привлекало в свою очередь ересиологическое внимание. Третье послание даже кое-кем цитировалось и как полноценное священное писание.

Книга деяний Павла имеет свою историю открытий, исследований и реконструкций. [3.1]

Нам же в предпринимаемых поисках важно, что её автор способен приоткрыть существовавшие предания его времени. И здесь автор также в связи с ап. Павлом упоминает Дамаск и акцентирует историю на нём. При этом его история независима от канонической книги Деяний, когда он обращается к своим собственным источникам. И он излагает то, что знает и что, по его мнению, претендует на правду. В этой истории Павел предстаёт также гонителем нового учения в Дамаске. Однако он переживает обращение ко Христу и оно, согласно книги, также не зависит от чьей-либо проповеди, а имеет некий характер сверхъестественного личного откровения, как и в изложении Послания Галатам. В Дамаске же Павел переживает важную встречу и получает важнейшее духовное наставление. В Дамаске Павел встречает родного брата Иисуса, и автор именуется его как Иуду Благословенного.

«Внемлите, мужи, братия, что приключилось со мной, когда был я в Дамаске и преследовал в те времена веру Божию. Дух, что <на меня> от Отца сошел, проповедал мне Евангелие Сына Его, дабы мог я жить по нему. И нет, воистину, жизни, кроме как жизнь во Христе. Вступил я в церковь великую с Благословенным Иудою [во главе], братом Господним, который первым преподал мне благу любовь веры [нашей]. Покорствовал радостно я благому пророку...»

При этом возможно здесь для автора Деяний Павла крайне важно подчеркнуть, что если Павел и не был непосредственно учеником Иисуса, то своё первое и наиважнейшее наставление получил от его родного брата!

Удивительным образом, но пересечение Павла с Иудой пояснено и в самой канонической книге Деяний! Павел, как известно принимает духовное наставление и крещение в Дамаске от некоего загадочного прозорливца Анания. Но в Дамаске останавливается в доме некоего Иуды.

10 В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи.

11 Господь же [сказал] ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится, ... (Деян.9:10,11)

В этом повествовании факт поселения Павла у Иуды в его доме - излишен. Кто-то ослепшего Павла в дом некоего Иуды поселил. А ведь какое дело для читателя, как в тех наиважнейших и драматических событиях жизни только что

обращённого и временно ослепшего Павла звали хозяина «гостиницы»? И такое упоминание может быть просто объяснено в том случае, если автор Деяний опровергает существующее тогда мнение о встрече Павла с братом или учеником Иудой. Ведь все ученики и братья для автора Деяний находятся в Иерусалиме, и автор хочет донести читателям, что в Дамаске в таком случае какой-то Иуда таки был! Кто же спорит? Однако тот лишь предоставил Павлу свой дом для проживания. И даже так чудом произошло, что именно в «гостинице» Иуды Павел и получил исцеление от слепоты. И если автор апокрифа в своей истории факт встречи Иуды и Павла заявляет, то автор канонических Деяний его прекрасно знает, но по-своему поясняет и опровергает. Ведь он сам в предисловии к двум своим книгам и предупредил: *«Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях ... то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе»*. (Лук.1:3)

Таким образом книга Деяний в этом моменте пересечения имён может являть дальнейший пример отображения некой иной истории, которую автор излагает по-своему, начав с вынужденного появления Дамаска, наличия «зла» там и продолжив пояснением Иуды, всего лишь хозяином «гостиницы» на улице Прямой.

[2] Тертуллиан, «О крещении», Глава 17.

Тертуллиан обрушивается с критикой на книгу Деяний Павла и его автора в связи с тем, что книга представляет Павла, позволяющего женщине, на примере Феклы, учить и крестить, что вызывает крайне негативную реакцию Тертуллиана. Однако другие описанные исторические моменты вероятно Тертуллиана особо не беспокоили. При этом указывается, что горе-автор был найден и наказан.

«А гордость женщин, восхищавших себе право учить, не присвоит себе и права крестить, – разве появится новый «зверь», подобный прежнему, так что, как тот уничтожил крещение, так другой своею властью будет его раздавать. А если, на основании ложно приписываемого Павлу писания, защищают примером Феклы свободу женщин учить и крестить, то пусть знают, что тот пресвитер Асийский, который составил это писание, стараясь как бы увеличить авторитет Павла своим именем, был лишен места, когда его убедили и сам он сознался, что сделал он это из любви к Павлу. Ибо представляется ли вероятным, что тот дает женщинам власть учить и крестить, кто именно настойчиво не позволяет женщине учить: "да молчат и дома мужей своих да вопрошают» (1Кор 14.34)».

[3.1] Библиотека Руслана Хазарзара. Деяния Павла.

http://khazarzar.skeptik.net/books/a_paul.htm

4. ИУДА И ФОМА

Для продолжения наших поисков исторических реалий необходимо далее обратиться к проблеме имён Иуды и Фомы. С одной стороны, канонические евангелия разделяют две персоны, и даже выделяют несколько Иуд в окружении Иисуса. Вместе с тем евангельский текст указывает, что Фома означает Близнец и, по всей вероятности, на любом из языков - арамейском или греческом оно означало именно не имя, а прозвище [4]. А это порождает разнообразные вопросы.

- Чей близнец и почему близнец?
- Каково же настоящее имя ученика?
- Прозвище дано, чтобы различить учеников с одинаковыми именами?
- Прозвище дано ради подчёркивания некоего важного смысла?

Ортодоксальная церковь приняла в качестве древнего предания о направлении миссии апостолов указание апокрифической книги Деяний Фомы, с её описанием его миссии в Индии. При этом апостол именуется там как Иуда Фома. На это также указывало и цитирование Евсевием Кесарийским некоего сирийского документа, который также давал указание, что Фомой звали Иуду [1.3].

И именно это снова актуализировало серию вопросов, отвечая на один из них, что Фомой был Иуда.

Сама текстология Нового Завета при этом также зафиксировала идентичный пример Иуды Фомы. В древних Сирийских версиях текста IV века вместо «Иуда, не Искарот» (Ин.14:22) говорится: «Иуда Фома» [4]. Что являлось дополнительным свидетельством существования понимания имени Фомы как Иуды.

Исторически существовали и мнения относительно смысла «Близнеца» как указание на кровное родство двойни. Ведь если сами новозаветные тексты говорят о брате Иисуса Иуде, и имя "Близнеца" было также Иудой, то можно и связать два имени в одну персону, пояснив таким образом именно родное братство двойни. Исторически к такому приёму прибегали те, кому из идейных соображений было важно указать на естественное рождение Иисуса, как обычного человека.

Открытие в нашей уже эпохе библиотеки Наг-Хаммади дали уже дополнительные примеры, в которых за прозвищем Фомы стояло имя Иуды: (евангелие Фомы, книга Фомы Атлета). С одной стороны, они укрепили аргументацию имени Фомы как Иуды, с другой, предлагали и свой ответ о смысле прозвища «Близнец», однако в смысле некоего духовного братства. Когда "Близнец" обязан открыть свою спрятанную иномирную сокровенную суть, отражающую Спасителя, что есть сам из иного мира. И только после чего ученик может в жизни и последовать за таким учителем. Примечательно, что в унисон и сам канонический текст говорит: "Они не от мира, как и Я не от мира".

Можно также и заключить что тема сути смысла "Близнеца" была чрезвычайно важна и раскрыта именно в среде тех, кто и был связан с авторитетом имени Фомы, а само это учение и было связано непосредственно с этим учеником Иисуса.

В нашем же исследовании уместен в таком случае закономерный вопрос, а не был ли тот дамаский Иуда, о котором ходили разговоры, тем самый Фомой?

Надо отметить, что Фома в своём роде - легендарное апостольское имя. Если с именами некоторых апостолов связаны новозаветные книги, или же персоны хоть каким-то образом обращают на себя внимание в евангельском повествовании, то Фома на этом фоне выделяется особо. С его именем связано одноимённое Евангелие, претендующее на древнейший неканонический источник изречений Иисуса. С ним связана так называемая Книга Фомы с изложением учения воскресшего Иисуса, а также древний источник о его миссионерском служении, который был взят для опоры ортодоксальной историей церкви. Фома особо отмечен в Евангелии Иоанна с негативным указанием на его слабости и скорее всего даже с лишением Духа и возможности прощения людских грехов. Так, что в библеистике возникла и мысль о существовавшем на стыке первого и второго веков конфликта с последователями и носителями учения, ссылавшихся на Фому. Когда негатив к его последователям и их идеям был воплощён историей слабостей, чудаковатостей, недальновидностей и заблуждений их так почитаемого апостола.

В таком случае уместен и вопрос, если ли, например, в самой книге Деяний Павла, упоминающей имя Иуды, связь с имеющейся у нас информацией об апостоле Фомы?

Здесь можно и предположить, что автор Деяний Павла под "Близнецом" естественно и понимал родного брата. Ведь тоже 3-е послание Коринфянам из этих Деяний и акцентирует на борьбе за учение о земном рождении Иисуса от семени Давидова. Дополнительным аргументом к этому может быть и прозвище, что автор Иуде и даёт - «Благословенный». Если та же синоптическая евангельская традиция без каких-либо дифирамбов упоминает о братьях Иисуса, указывая при этом, что они не были его последователями и даже скорее были скептиками к его путешествиям и проповедям. То автор Деяний при этом выделяет одного из них особо, подчёркивая его особый статус невероятного "везения". Возможно для автора именно кровность родства у близнеца придаёт то особое благословение Иуде.

Само же повествование автора содержит и интересный момент, который представляется неслучайным. Так, в изложении Деяний после встречи и наставлений Павла у Иуды, с Павлом далее на его пути происходит для читателя книги странная, невероятная, буквально сказочная история. Её важным персонажем становится лев. Павел, предпринимая свой путь в Иерихон, встречает на пути разорённого льва. В то время такая встреча должна была

закончиться для охотника льва добычей человека и пищей. Но по молитве спутниц и самого Павла лев вдруг обретает разум и речь, просит Павла о крещение, после чего Павел его тут же и крестит в воде. Лев же по возвращению «домой» бросает ещё и свою львицу, дабы не вступать с ней более в «супружеские отношения», и становится как бы даже можно сказать истинно верующим человеком и примером. Можно скептически задаться и вопросом, мало ли кто, что и много чего интересного может придумать, но откуда вообще происходит этот странный полёт фантазии у автора? А исток истории как раз и можно обнаружить в логиях Иисуса Евангелия от Фомы! Однако там всего лишь краткое и по-своему интригующее изречение, которое и предлагает начало мысли. *«Блажен тот лев, которого съест человек, и лев станет человеком. И проклят тот человек, которого съест лев, и лев станет человеком».* При этом уже сам автор того эпизода Деяний Павла фантастически разыгрывает логию. Её ведь и использовали в учении последователи, сославшиеся на Иуду Фому, и именно она сказочно разыгрывается на пути у Павла после наставлений у Иуды. В таком случае автор той истории и дал своё пояснение известной логию, что и была в обиходе у последователей Фомы, при этом сославшись на наставление Павла с самим собирателем таковых изречений и его общины. Утверждать однозначно, что это так - нельзя, но объяснить исток той фантастической истории льва-человека именно так и возможно.

Таким образом можно предположить и аргументировать, что сам автор апокрифических Деяний и предстаёт пред нами живым свидетелем обсуждений преданий вокруг Иуды Фомы, участвуя в идейных интерпретациях, обсуждаемых тогда тем и событий.

И конечно же интересно, а были ли вообще для автора Деяний Павла ещё какие Иуды, кроме благословенного брата Иисуса? Из описания апокрифа напрашивается и вывод, что автор наверняка считал Иуду и непосредственным учеником также - двоих в одном лице. Однако автор канонических Деяний испытывал буквально нашествие Иуд. Если один в истории только недавно удавился, а в Иерусалиме находился Иуда - родной брат, а также ещё отдельно и Иуда апостол, а ещё и сам Фома (Деяния 1:13, 14), что как оказывается тоже норовил называться Иудой, то в Дамаске вдруг объявился ещё один. И дамаский не появился просто так, он настойчиво «претендовал» на аудиенцию с самим Павлом там. Это было уже слишком. Поэтому, да будет он метрдотель!

[4] Библиотека Руслана Хазарзара. Непосредственные ученики Иисуса.

<http://khazarzar.skeptik.net/books/kh/mathetai.htm>

[1.3] Евсевий Кесарийский (Памфил). Церковная история. Книга первая, глава 13. *“После вознесения Иисуса Иуда, прозванный Фомой, послал [к Абгару] апостола Фаддея, одного из семидесяти”*»

[3.2] Библиотека Руслана Хазарзара. Деяния Павла.

http://khazarzar.skeptik.net/books/a_paul.htm

«Когда же вечер настал, покинул агату я, которую вдова Лемма и дочь ее Аммия устроили. Шел я ночью, думая в Финикии к Иерихону выйти, и большой уже путь проделал. Когда же утро настало, оказалось: идут позади меня Лемма с Аммией, кои агату устроили, ибо дорог я (?) был <сердцам их?>, так что недалеко от меня они были (?). И вышел вдруг из кладбищенской долины огромный и свирепый лев. Молились мы, и благодаря молитве этой не столкнулись со зверем Лемма с Аммией. А когда завершил я молитву свою, припал к ногам моим зверь. Набравшись духу, взглянул на него я, и говорю:

- Лев, ты чего хочешь?

А он отвечает:

- Желая окреститься!

И восславил я Бога, даровавшего зверю речь и спасение слуге своему. Протекала как раз в том месте река большая. Спустился я к ней, и последовал он за мной. Лемма же с Аммией, словно испуганные орлами голубки, кои за спасением к дому летят, продолжали смиренно молиться, пока [не услышали, как] вознес я Богу хвалу. Да и сам был я в страхе и изумлении, что приходится мне льва, словно вола, вести и крестить водою его. И стоял я на берегу, мужи, братия, восклицая и говоря: “Ты, пребывающий в высях, призритель убогих и страждущих утешитель, затворивший львиные пасти пред Даниилом, Господа нашего Иисуса Христа мне пославший, дай избежать нам лютости зверя, дабы исполнил я предначертанное Тобой”. И помолившись так, взял я этого льва за гриву и с именем Иисуса Христа погрузил его трижды в воду. Когда же вышел на берег он, отряхнулся и сказал мне: “Да пребудет с тобою милость Его!” И отвечивал я ему: “И с тобою тоже!” Убежал радостный лев в пустыню, и явлено было мне в сердце моем, что встретила львица его, но не отдался он ей, а... прочь пустился. Вот и вы, Аквила с Присциллой, уверовавшие в живого Бога и услышавшие <...> проповедуйте <...>»

5. ДАМАСК В ХРИСТИАНСКОМ КУЛЬТУРНОМ СРЕЗЕ

Интересным исследовательским срезом для поисков исторических реалий являются архитектурные памятники и археологические находки. Город Дамаск богат на достопримечательности мест христианской культуры и истории. С 636 года он становится уже неотъемлемой частью мусульманского мира и его истории. Город пережил войны и штурмы крестовых походов и даже разрушение монгольского нашествия. Однако Дамаск, как, впрочем, и вся Сирия, сохранили

до нашего времени различные древние христианские памятные места. Вероятно, что уже практически невозможно отследить истоки происхождения этих мест для доказательств тех или иных исторических реалий. Однако несомненно и естественно, что Сирия и была самой первой территорией распространения христианства, территорией возникновения объектов, ставших впоследствии архитектурными памятниками, которые отстаивали уже в эпоху мусульманской экспансии и восстанавливали после их разрушений. Также является бесспорным наличие множества древних раннехристианских документов в той или иной мере имеющих именно сирийское происхождение, в том числе и известные нам Деяния Фомы.

Любые значимые священные памятные места и объекты архитектуры для установления исторических реалий проклассифицируем по следующим критериям.

1. Независимый объект, не имеющий никакого отношения к местной истории, являющийся частью общей христианской культуры.

2. Самостоятельный объект непосредственно канонической библейской истории, без альтернативных исторических подтверждений.

3. Самостоятельный объект исторических преданий, письменных альтернатив библейских источников, без исторических подтверждений.

И конечно же заключительной и самой весомой категорией должен быть момент исторического подтверждения объекта, например, археологией или же свидетельством современников. И это именно то, что может быть весомым свидетельством исторически научного подтверждения.

Из большого перечня объектов христианской культуры здесь нас будут интересовать лишь те, что относятся к персонам истории первого столетия. Первыми и возможно самым значимыми примерами будут те, что относятся к обращению апостола Павла. И сюда относятся места, связанные с этой библейской историей и её важной персоной – прозорливцем Ананием. Важным памятным местом является дом святого Анания, который исцелил и крестил апостола, церковь святого Анания, представляющая подземный храм. В Дамаске находится и монастырь святого Павла. Все это относится именно ко второй группе, в которой единственным источником подтверждения является лишь сама каноническая книга Деяний. Строгая историческая научная достоверность существования и расположения этих мест, как например, дома Анания, где Павел принял крещение - сомнительна, так как никто бы тогда и не фиксировал место той молитвы, ведь молиться Анания мог естественно всегда и везде, и наперёд никто бы не мог знать какое место окажется в будущем более значимым или менее священным. Также в Дамаске отмечена надвратная башня Бап Кисан, откуда считается и был спущен на веревке в корзине ап. Павел при его бегстве из города.

Дополняя список библейских персон можно выделить и монастырь святого Петра в окрестностях Дамаска. Объект этот можно по праву отнести к первой

категории общей христианской культуры. При этом Пётр настолько известная персона, что для возникновения в будущем где-либо в мире религиозного сооружения, связанного с его именем, Петру там быть было совершенно не нужно. Вместе с тем, даже сами новозаветные источники дают указание о путешествии Петра по регионам средиземноморья, а путь из Иерусалима или Галилеи на север проходил, в том числе и через Дамаск. Поэтому нет ничего сомнительного в том, что Пётр реально Дамаск и посещал.

А вот следующий объект имеет самое прямое отношение к теме этого исследования. Это комплекс сооружений, посвящённый именно апостолу Фоме: монастырь святого Фомы и ворота Фомы древней городской стены - Баб Тума («Ворота Фомы»). Ворота принадлежат древнему объекту, часть которого считается восходящей к эпохе самой Римской империи. Ворота открывают христианский квартал старого города и находятся в перечне иных древних ворот в большинстве своём смыслового значения мусульманской уже истории. В веренице объектов мусульманских смыслов находится одно христианское апостольское имя и это имя апостола Фомы. Так как мы не имеем прямых исторических свидетельств причин такого наименования, то ближайший критерий классификации - источник существующих тогда преданий, в сферу которых также попадает апокрифические Деяния Павла. При этом вернее будет сказать, что Деяния Павла в этом моменте и есть свидетельством существования исторических преданий, указывающих на связь Иуды Фомы с Дамаском.

С точки зрения важнейшей категории свидетельств исторического подтверждения в пользу связи Фомы с Дамаском можно привести косвенное упоминание и некоего несохранившегося труда Оригена (185 - 254) в церковной истории Евсевия Кесарийского, в котором указывается на некое предание о цели миссии Фомы [1.4]: «*Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия*». Здесь нет указания непосредственно на Дамаск, а предельно краткая цитата сама ссылается на некое некогда существовавшее предание. Однако путь в Парфию из Галилеи при этом и проходил именно через Дамаск.

Говоря о Деяниях Павла как свидетельстве существования исторических преданий связи Иуды Фомы с Дамаском важно отметить, что они и отображены на срезе памятников раннехристианской истории Сирии. Ярким таким отображением является монастырь и могила святой Феклы недалеко от Дамаска в Маалюли. Святая Фекла почитается равноапостольной, а сам монастырь, как и её могила там, являются местом наиважнейшей христианской святыни Сирии. Считается, что Фекла была обращена самим апостолом Павлом. Свидетельство о ней известно нам из текста так называемой истории Феклы, ученицы апостола Павла. Текст представляет собой сирийскую версию части более обширного греческого сочинения всё тех же Деяний апостола Павла.

Таким образом можно заключить, что срез христианских архитектурных и памятных значимых мест Дамаска указывает нам также на апостолов Павла и

Фому. Дамаск в этом срезе находится на стыке двух сфер. История Павла отображена на основе канонических текстов вместе с историей Анания. Персона же Фомы отмечена на основании некогда существовавших древних преданий, одним из которых и является известный нам ныне текстовый памятник Деяний Павла. Этот документ восходит ко второму столетию и открывает существование своей сферы преданий в раннехристианской истории Сирии.

С точки же зрения формирования исторической церковной истории, сам документ Деяний Павла подвергался в древности церковной критике, и конечно же история этих апокрифических Деяний не согласуется с историей Деяний канонических. Но именно эта идейно альтернативная история как раз и была связана с преданиями, значимыми местами, а в последствии и с христианской архитектурой Сирии. А ересиологическая критика и наказание автора книги естественно ни на что повлиять здесь не могли.

[1.4] Евсевий Кесарийский (Памфил). Церковная история. Книга третья, глава 1.

6. РЕШЕНИЕ ТЕКСТОЛОГИИ. ОТНОШЕНИЕ К ПРЕЕМСТВЕННОСТИ.

Далее мы подходим к важному вопросу темы. Если встреча Фомы и Павла в Дамаске всё-таки произошла, то почему о ней ничего не пишет сам Павел? И даже более того, Павел в послании Галатам, акцентируя внимание на своём обращении ко Христу, исключает подобную встречу. Павел подробно излагает на момент написания послания историю своих взаимоотношений с апостолами, а это как минимум 17 лет от его обращения, но там никакой встречи ни с каким Иудой и Фомой в самом Дамаске нет. Однако тогда, надо и отметить, что нет никакого упоминания и той драматической встречи и с прозорливцем Ананием.

Вообще в библеистике так или иначе подымается вопрос, почему Павел из своих посланий представляется тем, кто не стремится ни к какому собиранию изречений и притч Иисуса, ни к какому ученичеству у непосредственных учеников, и даже как бы избегает любые контакты и такое ученичество, однако при этом всё умудряется стать столпом новозаветной традиции.

Вопрос возможной Дамасской встречи в послании имеет своё разрешение. Оно может быть найдено в акцентировании специфики самого канонического текста Послания, а также в специфике альтернативного варианта текста, реконструированного послания так называемого первого издания сборника книг второго столетия - Апостоликона. Надо отметить, что в критической библеистике первое издание рассматривается свободной альтернативой по отношению к канонической версии. На что же указывает эта специфика?

Во-первых, сам канонический текст Послания открывает достаточно негативное отношение Павла к каким-либо согласованиям его откровения с

апостолами Иерусалима, называя подобное "советом с кровью и плотью" (Гал.1:16). Сама описанная Павлом Иерусалимская встреча передаёт атмосферу напряжения. Иерусалим представлен и местом общины рабов «лжебратьев» (Гал.2:4). Характеристика встречи с тройкой апостолов там сопряжена с сарказмом по отношению к тому, с чем он в Иерусалимской общине столкнулся [5]. Описанная Павлом дальнейшая встреча с Петром окончилась вообще обличением Петра, за чем стояло исторически достоверное высокомерие и пренебрежение иудеев к язычникам и по отношению к чему Павел занимал принципиальную позицию. И если Павел отметил, что его посещение общины Иерусалима происходило исключительно вследствие откровения, то именно канонический текст вводит ещё одного посещение «просто так».

18 Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать.

19 Другого же из Апостолов я не видел [никого], кроме Иакова, брата Господня. (Гал.1:18,19)

Этот фрагмент отсутствовал в первом издании. И именно он кардинально меняет смыслы.

Во-первых, он вносит в общую картину момент позитива. Во-вторых, причисляет к кругу апостолов брата Иисуса Иакова. И здесь примечательно, что, впоследствии, это всё-таки не стало каноническим представлением списка двенадцати. И третье, самое главное, именно это утверждение вносит в мышление инородное понимание апостольства, как некоего особого нарицательного статуса тех самых легендарных учеников. Этот фрагмент и привносит в текст то, что апостол обращается к строгому и известному всем кругу легендарных. При этом описывает кого, где и при каких обстоятельствах из этого круга он видел и с кем имел общение. Всё это представляется привнесённым в текст позднее. В альтернативной версии Павел в негативном ключе упоминает лишь те явления и лишь тех, кто был связан с Иерусалимским христианством и тем порабощением, которое оттуда и пыталось войти в жизнь его общин. Именно поэтому в цели послания не входило перечисление каких-либо позитивных встреч. Павел лишь выразил своё отношение к тем веяниям, которые происходили из Иерусалима и тем персонам, что были в той или иной мере на тот момент к таким веяниям причастны. Указание на существование всем известного и наиважнейшего круга апостольства, а также описание своей связи с ним присуще исключительно каноническому тексту.

Можно предложить и ещё один интересный момент объяснения картины изоляции Павла. Так, принципиальный отказ указывать свои важные позитивные встречи может быть объяснён ещё и примером самого Евангелия Фомы, когда такие встречи, преемственности учения и тем более ещё и кровные родства с каким-либо авторитетом ничего значить не могут и ничего значить не должны.

И этим примером является эпизод опроса Иисусом Петра, Матфея и Фомы, на кого для них он похож.

14. Иисус сказал ученикам своим: Уподобьте меня, скажите мне, на кого я похож. Симон Петр сказал ему: Ты похож на ангела справедливого. Матфей сказал ему: Ты похож на философа мудрого. Фома сказал ему: Господи, мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож.

Иисус сказал: Я не твой господин, ибо ты выпил, ты напился из источника кипящего, который я измерил.

Высшим ответом оказался ответ Фомы, который не смог описать и выразить своё видение статуса Иисуса. И ответ на это был неожиданным. Оказывается, Фома соприкоснулся с тем, что более не вынуждает его определяться со статусом и учиться согласно с ним у Иисуса. Фома «испил» из того источника, который «измерил» и открывает Иисус и более Фома в господстве всего лишь путеводаителя не нуждается, ибо познание далее и приходит для Фомы уже из этого потока. Примечательно, что именно эта мысль и могла найти своё отображение и новозаветном корпусе в послании Иоанна о некоем наставляющем помазании: «... впрочем, вы имеете помазание от Святого и знаете все», «помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас...». Именно поэтому и Павел не видел смысла передавать с кем именно он общался и у кого и чему он учился. И некогда он напишет наподобие того ответа для Фомы: «если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Само обращение Павла ко Христу было не от убеждения кого-либо и чей-то убедительной проповеди, а Фома при встрече мог лишь укрепить Павла и пояснить то, что с ним произошло и что будет далее, соответственно Павел и не писал о той встрече сознательно.

Говоря же о возможных упоминаниях проповеди Иисуса в своих посланиях, то Павел не акцентируется на этом и собирателем изречений не представляется, но всё же в посланиях ссылается и на устное евангельское предание и конкретно приводит логию, которая обнаруживается в том же Евангелии Фомы. А многие же его взгляды можно рассмотреть уже в виде развитого учения того, что он изначально слышал и узнал. При этом за его многими упоминаниями как раз и стояли взгляды, заимствованные им из существовавшей до него проповеди учения. Однако так сложилось, что те взгляды так просто уже ныне не соотносятся со сложившимися традиционными представлениями об их содержании.

Говоря об апокрифической книге Деяний Павла, то за ней стоит совершенно иная тенденция. Для неё важно показать связь и ученичество Павла с авторитетным последователем - апостолом, а самое лучшее с физической родней – родным братом, называемым благословенным. Дружба с таким родством - наивысшая печать преемственности для автора Деяний. Такую же проблему по-своему пытается решить и автор канонических Деяний, возвращая

Павла из Дамаска назад в Иерусалим, в тот строгий апостольский круг, вокруг которого Павел и возвращается далее в повествовании канонической истории.

[5] Влад Вальберг. [По следам одного парадокса.](#)

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом в ходе работы было указано на исторически сложившуюся особенность построения картин истории евангельских миссий. В ней, с одной стороны, есть изложенная история новозаветного корпуса, с другой - самые разнообразные предания, переработанные в нужном идейном духе и несогласованные уже с историей книг самого этого корпуса, а также имеющие и свой исторический культурный срез. В таком же ракурсе и была предпринята попытка поиска исторических реконструкций. Однако в методологии, в отличие от религиозного подхода, источник новозаветных текстов не несёт исторических преимуществ наивысшего приоритета над другими свидетельствами по причине своего священства, но рассматривается полноправным свидетельством со своими сильными или же слабыми аргументами. Аналогично и в вопросе герменевтики согласования библейских текстов при их толковании. Здесь герменевтика – инструмент создания непротиворечивых учений, когда одни воззрения одного источника обязаны быть согласованы с другими воззрениями второго источника, когда один взгляд рассматривается обязательно через призму другого. Однако такой подход будет приводить и к искажению в том случае, если источники изначально несут свои неповторимые взгляды или особенности. В данной же работе таким примером является изложенная истории начала миссии Павла согласно его собственного Послания и внешнего описания его истории в канонической книге Деяний. Вне искажений герменевтики, это разные истории изложения миссий. Если в Послании Павел независим от авторитетов Иерусалима и его миссии апостольства народам сразу же им обозначена, и он сразу её начинает в Сирии, то внешнее описание – Деяния, рисуют иную картину. По свидетельству самого автора Деяний, он описывал и пояснял во многом известные в его время предания. И он создавал идеологическую историю Иерусалима, как центра долгожданной новой вехи древней иудейской веры, с находящимися апостолами там, а также собрал и пояснил в важном для него ракурсе почитания закона и пророков историю Павла, особого апостола язычников для внешнего мира. И Павел там начинает свой новый путь вместе с двенадцатью с Иерусалима, а осознание миссии проповедника народам придёт к нему гораздо позднее и то по причине отвержения его проповеди среди иудеев. И здесь Послание является иным по отношению к Деяниям источником, и именно оно имеет аргументы большей исторической значимости и может быть соотнесено со сферой свидетельств преданий и культурного среза Сирии. Сам же аномальный для книги Деяний Дамаск, как мощный уже центр нового движения, и вероятно существующая община там (что Деяния вполне допускают), несшая действительно опасное учение для ревнителей иудаизма, а также и Иуда там – являются точками пересечения изложения хроник этой книги с совершенно иной

сферой преданий истории Сирии. Послание открывает именно Дамаск и Сирию местом начала служения апостола, его стартовым моментом, откуда апостол начал и куда снова возвращался, игнорируя существовавшее движение в Иерусалиме. Павел описывает себя гонителем именно той Церкви, которую в Дамаске и обретает, и которая там уже была до него. Тогда как книга Деяний таким центром для Павла делает Иерусалим, куда он естественно и возвращается после преобразования на пути в Дамаск и первой проповеди там. Анализ же содержания реконструированных посланий первого издания ап. Павла лишь дополнительно подчёркивает этот момент и указывает на однозначность независимости Павла и его служения от Иерусалима и происходящих явлений там, а также снимает смысловой запрет на возможную встречу Павла и Фомы. Отдельным же выводом из анализа реконструированных посланий является и возникшее преувеличение роли апостола Павла в миссии проповеди народам и провозглашения её особой уникальности.

В работе был озвучен в общем известный вопрос библеистики о взаимоотношении имени Иуды с прозвищем Близнец. Предложена и аргументирована версия осведомлённости автора апокрифических Деяний Павла с вопросом взаимоотношений имён, когда он пользовался своей интерпретацией прозвища и был знаком с традицией изречений и учения, связанных именем апостола Фомы. Был проанализирован исторический культурный срез Дамаска, в котором и отобразились имена Павла и Фомы. Сам же этот срез Сирии оказался прочно связан с тем, что и отразило описание такого древнего документа как Деяния Павла.

И конечно же ключевой вопрос изысканий, так была ли та встреча Павла и Фомы? Ответить однозначно и утвердительно имея лишь приведённые в работе данные – нельзя, однако они могут указывать на это. Полученные же выводы на основе свидетельств, преданий и реконструкций текстов никак не противоречат такому варианту событий. И в таком случае та встреча не наделяла Павла каким-то важнейшим для него смыслом, властью авторитетного знакомства или ученичества. Произошедшая дамаская встреча лишь утвердила его в дальнейшем движении и свободе действий в развитии учений, необходимых для созидания им смешанных общин выходцев из иудеев и язычников, формируя их общую основу, чем и пронизаны его послания. Он далее выдвигал и развивал идеи, важные в его понимании для мышления тех, кого он созидал, создавая необходимые в становящейся теологии религиозные учения. В конце концов его послания с одной стороны стали основой новозаветной традиции, с другой стороны сам он слыл огромным авторитетом в среде так называемых гностических общин, когда его послания наполнены яркими свидетельствами применения соответствующей специфической терминологии и изложения соответствующих ей идей. Ну а сама же та встреча превратилась в спрятанный в веках, необозначенный знаковый перекрёсток.

Влад Вальберг
01.2024